

Материалы по истории Смутного времени

Новый летописец

См.: Хроники смутного времени. М.: Фонд Сергея Дубова, 1998.

«Новый летописец» или «Книга глаголемая Новый летописец» один из важнейших источников по истории Смутного времени. В пер. С.Ю. Шокарева.

<Новый летописец о восстании Хлопка>

85. **О разбойниках и о посылке против разбойников.** Как и в древности, враг наш дьявол, не желая видеть род человеческий в добре, вложил в людей лукавство, которое именуется лихоимством, и многих людей ввел в пагубу. В то время умножились разбои в земле Русской так, что не только по пустынным местам проезду не было, но и под Москвой были разбои великие. Царь же Борис, видя такое в земле нестроение и кровопролитие, много раз посылал [войска] на них [разбойников]. Они же, разбойники, как звери зубами своими скрежещут на человека, противились посланным [войскам], и ничего им не могли сделать. Они же, воры, вконец православных христиан рубили и грабили. У них же, воровских людей, [был] старейшина в разбойниках, именем Хлопка. Царь же Борис, слышав, что ничего им не [могли] сделать, сильно опечалился, и призвал к себе бояр, и возвестил им [об этом], и думал с ними, как тех разбойников переловить. Бояре же придумали послать на них воевод с многой ратью. Царь же Борис послал на них окольного своего Ивана Федоровича Басманова, а с ним многою рать. Они же пошли и сошлись [с разбойниками] под Москвой. Разбойники же с ними бились, не щадя голов своих, и воеводу Ивана Федоровича Басманова убили. Ратные же, видя такую от них над собою погибель, что убили у них разбойники воеводу, начали с ними биться, не щадя живота своего, и едва смогли их, окаянных, осилить, и многих их перебили: они же живыми в руки не давались; а иных и живых взяли. И того же вора, их старейшину Хлопка, едва смогли живым взять, потому что [он] изнемог от многих ран; а иные [воры] ушли на Украину, и там их всех, воров, поймали, и всех повелел [царь] перевешать. Воеводу же Ивана Басманова повелел царь Борис похоронить честно у Троицы в Сергиевом монастыре

<Новый летописец о начале царствования Василия Шуйского>

121. **Царство царя Василия Ивановича.** После убиения Расстриги начали бояре думать, как бы известить всю землю, чтобы приехали из городов к Москве всякие люди, и как бы по совету выбрать на Московское государство государя, чтобы всем людям [угоден] был. Бог же не миловал [нас] по грехам нашим; еще не к прекра-

щению пролития христианской крови многие люди, умышляя, по совету князя Василия Ивановича Шуйского, не только без совета со всей землей, но и на Москве не ведали о том многие люди, на четвертый день после убиения Расстриги приехали в город и возвели князя Василия на Лобное место, и нарекли его царем, и пошли с ним в град в соборную церковь Пречистой Богородицы. Он же начал говорить в соборной церкви [то], чего испокон веков в Московском государстве не бывало: целую де крест всей земле на том, что мне никакого зла ни против кого не сделать без [решения] собора: отец виноват, и против сына ничего не сделать; а будет сын виноват, а отец того не ведает, и отцу никакого зла не сотворить. А которые де были при царе Борисе обиды, и то никому не мстить. Бояре же и всякие люди говорили ему, чтобы он в том креста не целовал, потому что в Московском государстве такого не повелось. Он же никого не послушал и поцеловал крест на том на всем. По тому же и бояре и всякие люди целовали ему крест, а со всей землей и с городами о том не пересылались. По всем же городам привели [людей] к крестному целованию. Царь же Василий венчался царским венцом на той же неделе в соборной апостольской церкви Пречистой Богородицы, а венчал его казанский митрополит Гермоген с иными [духовными] властями в лето 7114 (1606) году.

122. О наставлении на патриаршество Гермогена патриарха. После воцарения же своего царь Василий сего злокозненного собеседника расстригина, патриарха Игнатия, с престола свел, и положил на него черное платье, и отослал его в Чудов монастырь под начало. На престол же был возведен казанский митрополит Гермоген, и поставлен был в патриархи московскими [духовными] властями: архиепископами, и епископами, и архимандритами, и игуменами.

<«Новый летописец» о восстании Болотникова>

129. О воре Петрушке, как назвался царевичем, сыном царя Федора. [Было это] в те же времена, еще когда Расстрига жил в Москве. Есть град, называемый Терка, на дальнем расстоянии от Москвы, а именовали же тот град по-русски Терек. На той же реке Терек живут казаки. По умышлению же в них дьявольскому завелось среди них воровство, назвали детину Илюшку, холопа Василия Елагина, сыном царя Федора, царевичем Петром, и о том писали Гришке Расстриге. Он же повелел ему [Петру] идти к Москве. Они же пошли к Москве рекою Волгою, и, когда пришли в Свяжский город, встретили их с той вестью, что того окаянного Гришку Расстригу в Москве убили. Те же казаки с тем вором поворотили назад, многие города и места разорили и пришли к городу Царицыну. Тут же были послы, которые были посланы в Кизылбаши, князь Иван Петрович Ромодановский, тут его и убили, и воеводу Федора Акинфеева убили, а сам вор Петрушка с казаками пошел на Дон и тут на Дону зимовал.

131. **О приходе под Москву Болотникова и о побоище под Троицким московских людей.** Город же Рязань с пригородами, и Тула, и Кашира, и иные города украинные царю Василию изменили и послали в Путивль [посланцев] с повинными. Они же в Путивле были, никого (Т. е. истинного государя — *Примеч. ред.*) в Путивле не видели и возвратились назад, но на истинный путь не обратились. И собрались все, и поставили себе старейшиной соловецкого сына боярского Истому Пашкова, и соединился [Пашков] с тем Ивашкой Болотниковым, и пошел под Москву. Город же Коломну взяли штурмом и разорили его, и, придя, встали за пятьдесят верст от Москвы. Царь же Василий против них послал бояр своих и служилых людей, которые были в Москве, и посадских людей. И пришли [Пашков и Болотников] в Коломенский уезд, разогнали многих дворян и стольников взяли [в плен]. Их же, взяв [в плен], отсылали всех в Путивль. Бояре же пришли в Москву [из-под Ельца].

151. **О потопе тульском.** Пришел к царю Василию муромец сын боярский Фома Сумин сын Кравков и сказал царю Василию: “Дай мне посошных людей, я де потоплю Тулу”. Царь же Василий и бояре посмеялись над ним, как ему город Тулу потопить. Он же прилежно к нему опять: “Вели меня казнить, если не потоплю Тулу”. Царь же Василий дал ему во всем волю. Он же повелел всей рати, каждому человеку принести по мешку с землей и начал реку под Тулой запружать, и вода начала прибывать. Царь же Василий, видя его замысел, наипаче велел ему свершать это и повелел дать ему в помощь мельников. Он же реку запрудил и город Тулу затопил совсем. Воры же, видя свое изнеможение, царю Василию сдались, и вора Петрушку схватили, взяли и угодника его, всему [пролитию] крови зачинщика князя Григория Шаховского, тут же взяли и Ивана Болотникова и иных воров и отослали их к Москве. Сам же царь Василий по городам устроил воевод и пошел сам к Москве, а ратных людей повелел распустить по домам. И, придя в Москву, повелел того вора Петрушку повесить, а князя Григория Шаховского послал на Каменное, а Ивашку Болотникова и Федьку Нагибу и иных [их] товарищей сослали в поморские города, и там их повелел казнить.

Временник Ивана Тимофеевича Семенова (или Временник Ивана Тимофеева)

См.: Смута в Московском государстве: Россия начала XVII столетия в записках современников / Сост. А.И. Плизгунов, И.А. Тихонюк; Вст. ст. В.И. Буганова; Послесл. А.И. Плизгунова. - М.: Современник, 1989.

<Иван Тимофеевич Семенов о царевиче Дмитрие. С. 75-76>

В то время, когда после семи тысяч шел 99(1591] год в самой благочестивой державе и когда шел седьмой год от помазания на царство преблаженного Федора Ивановича, государя всей Руси, по поущению божию, три несчастья тогда вместе случились у нас к нашему искушению. Первое — как бы убийственною рукою Ирода, несправедное заклание рабом незлобивога отрока царского племени. Второе зло — внезапный пожар от поджога, испепеливший большую часть всей столицы и дома богатых жителей, обильно наполненные всем необходимым, находящиеся на той стороне реки Неглинной. Кто не знает, как угли всех домов, от страшного огня обратившиеся в пепел, были развеяны по воздуху? Это было задумано тем же Борисом и сделано по его повелению: он не побоялся бога сделать это в самый полдень, когда солнечная теплота жгла, как бы свыше помогая неудержимому яростному пламени, показывая этим злобу виновника пожара.

<...>

Третье зло — татарское нашествие самого, пришедшего с востока, нечестивого царя, осмелившегося дойти даже до внешних укреплений моего города, так что такой наглости никогда не бывало.

Итак, два бедствия произошли от властолюбца Бориса, а третье ниспослано по небесному смотрению, но и первые два случились не без промысла Божия. И хотя державный Федор, благочестиво и пресветло над нами царствующий, богател своими добродетелями, но не мог, при случившихся несчастьях, один покрыть своим избытком нашу скудость и недостаток в добрых делах; таким образом и бывает, что добродетель одного не может покрыть грехи всех людей и «никто не украшается чужими делами», как сказано в писании, но чьи труды, тех и дары; честь и венцы принадлежат победителям,— в божественных писаниях много подобного сказано для указания нам. Но так мы и убиение неповинного младенца-царевича, и напрасное истребление огнем всего города, не желая, все перенесли, как бы ничего не зная, покрывшись бессловесным молчанием,— то этим попустили зложелателю до конца стремиться и к дальнейшему, как и теперь в наставших обстоятельствах мы, как немые, смотрим на случившееся. Об этом довольно.

<Иван Тимофеевич Семенов о личности Лжедмитрия. С. 104>

После воцарения Бориса восстал из своего логовища лютей молодой лев, подлинно враг, не столько человек — наделенное даром слова существо, сколько воплотившийся антихрист, и как темное облако, поднявшись из глубокой тьмы, неожиданно, почти внезапно, напал на нас; испуганный слухом о нем, царствующий над нами Борис, гордый с низшими, ужаснувшись его устремления, низвергся с высокого царского престола. Примерно он, как комар, не дойдя, поразил льва, как пишется. Но не тот, а своя совесть его низложила, так как он

знал все, что сам некогда делал. А этот происходил из худого рода, и родители его были из весьма низкого сословия,— потому что его изрыгнул город Галич. По всему, детище законопреступного Юлиана и его незаконное порождение — Гришка, по прозванию Отрепьев, послан был не столько на нас, сколько для того, чтобы поразить страхом того властолюбца, придя предать его — неправедного — праведному суду; до этого времени праведный гнев терпел Борису дерзость.

<Иван Тимофеевич Семенов о причинах недовольства Лжедмитрием. С. 104-106>

Он, отступник Бога, нашел себе и патриарха, не имеющего священного сана, по имени Игнатия, и посадил его на преосвященном великом престоле вместо существующего православного патриарха Иова, первого в России; сменив, он осудил Иова на изгнание в один город. В скором времени привозится в царствующий город и сквернавица, обещанная этому сквернителю и нашему за грехи наши обладателю, посланным за ней одним из сановников, соучастником его,

Афанасием Власовым, который человекоугодно ради гнилой чести от души и сердца служил ему. Богопротивно, однако в украшениях, в царских нарядах, она, как царица, подобно фараону на колесницах, со своим отцом привезена была в царствующий город; дыша еще в пути огнеподобной яростью ереси, она шла на христиан не как царица, а как человекоподобная змея, уподобляясь тем женам, о которых сказано в Откровении Иоанна Богослова: «Одна другую, нечестивая благочестивую, желала потопить водой из своих уст». Но эта ехидна если и не водой, так та, но в крови потопила всю Россию, весь мир наш,— кто этого не знает?

<...>

Вскоре после того, как нечестивая его супруга прибыла в царский город, злой участник ее скверностей, созвав собор православных, прельщает их лестью и, делая вид как бы справедливого совещания, лживо советуется с ними о крещении своей подруги. Он спрашивает: следует ли ей второй раз креститься? Этим обманом он, окаянный, вменяет ей латинское богопротивное крещение в истинное христианское рождение через купель, говоря: зачем ей второй раз креститься?

<...>

...одни — немногие — из отцов справедливо не соглашались, чтобы она — непросвещенная — взошла с ним в церковь,— прочие же по слабости человекоугодия, сильно желая мирской славы, поддались ему, хромя, как больные, на обе ноги, не по-пастырски, а по-наемнически прельстились и вместе побоялись и, повинувшись, допустили исполниться его воле. <...> Как будто в простой дом, в храм вседержавной нашей надежды и всемирной заступницы он вскочил, как пес с всескверною сукой, с множеством латынян и еретиков и дерзко

воссел наверху царского престола. Тогда весь храм видимо наполнился подобными волкам еретиками, а невидимо — мрачным облаком тьмы — бесами, радующимися и обнимающими их. Думаю, что благодать Божия отступила тогда, чтобы исполнилось сказанное: «Увидите мерзость запустения, стоящую на святом месте»; читающий да разумеет. И видящим его тогда он представлялся ничем не меньше самого антихриста, недостойно сидящего на престоле, а не царем. Эта скверная дерзость преступления закона совершилась в день праздника перенесения честных мощей великого во святых архиерея Николая Мирликийского, который не праздновался.

<...>

Хранилища всех ранее собранных царских сокровищ, даже до золотых и серебряных монет, увы, все он опустошил без порядка и рассмотрения не в меру расточительно, все считая за глину, а не за серебро, и раздавая драгоценности: ясно было, что он над ними не трудился; а их число невозможно выразить и многими десятками тысяч; думаю, что их количество превысит и множество песка. Этим он обогатил и землю богопротивных, а вместе и латынствующую Литву, оставив в казнохранилищах лишь малый остаток, и остановила его в этом только его смерть.

<Иван Тимофеевич Семенов о царе Василии Шуйском. С. 108-109>

В последние годы текущего времени Шуйский, по имени Василий, называемый царем всей Руси, сам себя избрав, сел на престол имевших верховную власть, первых самодержцев/ думаю, без Божия избрания и без его воли и не по общему из всех городов Руси собранному народному совету, но по своей воле; это совершилось с помощью некоего присоединившегося к нему ложного вельможи, совершенно худородного Михаила Татищева, согласного с ним в мыслях, непостоянного в делах и словах, хищного, как волк, который от первого в России царя-раба Бориса за некоторую тайную и богопротивную ему услугу, не по личным качествам и не по достоинству, был возведен в звание члена боярской думы.

Жак Маржерет. Записки.

См.: Смута в Московском государстве: Россия начала XVII столетия в записках современников / Сост. А.И. Плизгунов, И.А. Тихонюк; Вст. ст. В.И. Буганова; Послесл. А.И. Плизгунова. - М.: Современник, 1989.

<Жак Маржерет о голоде в России С.212-213>

В 1601 году начался тот великий голод, который продлился три года; мера зерна, которая продавалась раньше за пятнадцать солей,

продавалась за три рубля, что составляет почти двадцать ливров. В продолжение этих трех лет совершались вещи столь чудовищные, что выглядят невероятными, ибо было довольно привычно видеть, как муж покидал жену и детей, жена умерщвляла мужа, мать — детей, чтобы их съесть. Я был также свидетелем, как четыре жившие по соседству женщины, оставленные мужьями, сговорились, что одна пойдет на рынок купить телегу дров, сделав это, пообещает крестьянину заплатить в доме; но когда, разгрузив дрова, он вошел в избу, чтобы получить плату, то был удушен этими женщинами и положен туда, где на холоде мог сохраняться, дожидаясь, пока его лошадь будет ими съедена в первую очередь; когда это открылось, признались в содеянном и в том, что тело этого крестьянина было третьим. Словом, это был столь великий голод, что, не считая тех, кто умер в других городах России, в городе Москве умерли от голода более ста двадцати тысяч человек; они были похоронены в трех назначенных для этого местах за городом, о чем позаботились по приказу и на средства императора, даже о саванах для погребения. Причина столь большого числа умерших в городе Москве состоит в том, что император Борис велел ежедневно раздавать милостыню всем бедным, сколько их будет, каждому по одной московке, то есть около семи турецких денье, так что, прослышав о щедрости императора, все бежали туда, хотя у некоторых из них еще было на что жить; а когда прибывали в Москву, то не могли прожить на семь денье, хотя в большие праздники и по воскресеньям получали денинг, то есть вдвойне, и, впадая в еще большую слабость, умирали в городе или на дорогах, возвращаясь обратно. В конце концов Борис, узнав, что все бегут в Москву, чтобы в Москве умереть, и что страна мало-помалу начала обезлюдеть, приказал больше ничего им не подавать; с этого времени стали находить их на дорогах мертвыми и полумертвыми от перенесенных холода и голода, что было необычайным зрелищем. Сумма, которую император Борис потратил на бедных, невероятна; не считая расходов, которые он понес в Москве, по всей России не было города, куда бы он не послал больше или меньше для прокормления сказанных нищих. Мне известно, что он послал в Смоленск с одним моим знакомым двадцать тысяч рублей. Его хорошей чертой было то, что он обычно щедро раздавал милостыни и много богатств передал священнослужителям, которые в свою очередь все были за него. Этот голод значительно уменьшил силы России и доход императора.

<Жак Маржерет о личности Лжедмитрия. С. 198-199>

Наконец, и императрицу, жену покойного Иоанна Васильевича, с сыном Дмитрием выслал в Углич — город, удаленный на 180 верст от Москвы. Как считают, мать и некоторые другие вельможи, ясно предвидя цель, к которой стремился Борис, и зная об опасности, которой

младенец мог подвергнуться, потому что уже стало известно, что многие из вельмож, отправленных им в ссылку, были отравлены в дороге, изыскивали средство подменить его и подставить другого на его место. После он предал смерти еще многих невиновных вельмож. И так как он не сомневался более ни в ком, кроме как в принце, то, чтобы окончательно избавиться, он послал в Углич погубить принца, который был подменен. Что и было исполнено сыном одного человека, посланного им в качестве секретаря для матери. Принцу было семь или восемь лет от роду; тот, кто нанес удар, был убит на месте, а подложный принц был похоронен весьма скромно.

Вести, пришедшие в Москву, породили различные мнения; о них шептались и говорили по-разному. Борис, будучи извещен обо всем, приказал поджечь ночью главные купеческие дома и лавки и в разных местах на окраинах, чтобы наделать им хлопот до тех пор, пока волнение немного пройдет и умы успокоятся. Он сам находился там, чтобы распорядиться тушением огня, и столько трудился, что можно было бы счесть, будто убытки для него очень важны. Затем, собрав всех, кто понес убытки, он сказал им длинную речь, чтобы утешить их и выказать сожаление об их потере, и пообещал испросить у императора для каждого из них некоторое вознаграждение, чтобы они могли вновь отстроить дома, и даже пообещал построить каменные лавки вместо прежних, сплошь деревянных. Он выполнил это так хорошо, что каждый остался доволен и считал за счастье иметь столь доброго правителя.

<Жак Маржерет о происхождении Лжедмитрия. С. 229-231>

Возражение русских исходит, во-первых, от правившего тогда Бориса Федоровича, государя весьма хитрого и лукавого, и от других его врагов. Якобы он был самозванец, так как истинный Дмитрий был убит в возрасте семи-восьми лет в Угличе семнадцать лет тому назад, как мы упомянули выше; а он был расстрига, а именно: монах, покинувший свой монастырь, по имени Гришка, или Григорий Отрепьев.

Те же, кто считают себя самыми проникательными, как иностранцы, знавшие его, так и прочие, приводят суждение, что он был не русским, но поляком, трансильванцем или другой национальности, возвращенным и воспитанным для этой цели.

<...>

А я знаю и считаю, что, убедившись в том, что нет никакого другого средства, как подменить его и подставить другого на его место, а его воспитывать тайно, пока время не переменит или вовсе не смешает замыслы Бориса Федоровича, они это и проделали, и столь хорошо, что никто, кроме принадлежавших к их партии, ничего не узнал. Он был воспитан тайно, и, как я считаю, после смерти императора Федора, его брата, когда Борис Федорович был избран императором, он

был отправлен в Польшу, в монашеской одежде, чтобы его провели за пределы России с вышеупомянутым Расстригой. Как считают, прибыв туда, он стал служить одному польскому вельможе по имени Вишневецкий, зятю сандомирского воеводы; затем перешел на службу к названному воеводе и открылся ему. Тот послал его к польскому двору, где он получил небольшое вспомоществование; вышесказанное послужит для ответа и разъяснит, что в Угличе был умерщвлен не он, а подменный.

Что касается того, кого называют Расстригой, то вполне достоверно, что спустя немного времени после избрания Бориса Федоровича объявился один монах, бежавший из монастыря, где он жил, которого называют Расстригой, по имени Гришка Отрепьев, который прежде был секретарем патриарха и бежал в Польшу, и именно с тех пор Борис начал сомневаться, кто же это был, в чем можно убедиться из его жизни. Чтобы ответить на это, скажу, что совершенно точно в монашеской одежде бежали двое, именно: этот Расстрига и другой, до сих пор совершенно безымянный.

<...>

Кроме того, совершенно бесспорно и достоверно то, что Расстриге было от тридцати пяти до тридцати восьми лет, в то время как Дмитрию, когда он вернулся в Россию, могло быть только от двадцати трех до двадцати четырех лет. Потом он вернулся домой, и всякий, кто хотел, видел его; еще живы его братья, имеющие земли под городом Галичем. Этого Расстригу знали до бегства как человека дерзкого, приверженного к пьянству, за каковую дерзость он и был Дмитрием удален за двести тридцать верст от Москвы в Ярославль, где есть дом английской компании. И тот, кто там жил, когда Дмитрий был убит, мне ручался, что Расстрига уверял его даже тогда, когда явились известия, что Дмитрий умерщвлен, а Василий Шуйский избран императором, что Дмитрий был истинным сыном императора Иоанна Васильевича и что он выводил его из России; он подтверждал это великими клятвами, уверяя, что невозможно отрицать, что он сам — Гришка Отрепьев, прозванный Расстригой, это его собственное признание, и немного найдется русских, которые думали бы иначе. Спустя некоторое время Василий Шуйский, избранный императором, прислал за ним, но я не знаю, что с ним случилось. Этого довольно будет для приведенного возражения.

Что касается возражения, которое высказывают большинство иностранцев: что он был поляк или трансильванец, самозванец сам по себе или воспитанный для этой цели, то они хотят доказать это тем, что он говорил по-русски не так чисто, как ему подобало, кроме того, не имел русских привычек, над которыми насмехался, соблюдал их религию только для вида, и другими подобными поводами, так что, в

заключение (говорят они), во всех его поступках и в обращении чувствовался поляк.

Итак, если он был поляк, воспитанный с этой целью, то нужно было бы в конце концов знать кем; притом я не думаю, чтобы взяли ребенка с улицы, и скажу мимоходом, что среди пятидесяти тысяч не найдется одного, способного исполнить то, за что он взялся в возрасте 23—24 лет. Но, сверх того, какое соображение могло заставить зачинщиков этой интриги предпринять такое дело, когда в России не сомневались в убийстве Дмитрия; далее, Борис Федорович правил страной при большем благоденствии, чем любой из его предшественников, народ почитал и боялся его как только возможно; притом мать названного Дмитрия и многочисленные родственники были живы и могли засвидетельствовать, кто он.

<...>

Касательно тех, кто считает, что он был воспитан и выращен иезуитами, то к какой же нации, по их мнению, он принадлежал; так как он не поляк, как явствует из вышесказанного и будет замечено ниже, еще менее — другой нации, кроме русской. Если признать это предположение, то спрашивается, где они его взяли, так как до прихода Дмитрия во всей России не бывало иезуитов, разве только при послах, с которых не спускают глаз, так что они не смогли бы вывезти ребенка из России.

<...>

Ссылаются на то, что он насмеялся над русскими обычаями и следовал русской религии только для виду; этому не нужно удивляться. Особенно если принять во внимание их нравы и образ жизни, так как они грубы и необразованны, без всякой учтивости, народ лживый, без веры, без закона, без совести, содомиты и запятнаны бесчисленными другими пороками и скотскими страстями. Ведь Борис Федорович, в котором никто не усомнится, ненавидел не столько их, сколько их пороки, и так мало преуспел в их исправлении. Как же Дмитрий, который узнал отчасти, что такое светское общество, воспитывался некоторое время в Польше — свободной стране и среди знатных, не мог по меньшей мере желать некоторого исправления и просвещения своих подданных.

<...>

Кроме того, если, как они говорят, он был самозванцем и истина открылась лишь незадолго до убийства, почему он не был взят под стражу? Или почему его не вывели на площадь, пока он был жив, чтобы перед собравшимся там народом уличить его, как самозванца, не прибегая к убийству и не ввергая страну в столь серьезную распрю, при которой многие лишились жизни. И вся страна должна была без всякого другого доказательства поверить словам четырех или пяти человек, которые были главными заговорщиками. Далее, почему Ва-

силий Шуйский и его сообщники взяли на себя труд измыслить столько лжи, чтобы сделать его ненавистным для народа? Почему они приказали публично читать письма, в которых говорилось, что Дмитрий хотел подарить большую часть России польскому королю, а также своему тестю воеводе, словом, что он хотел разделить Россию, а также, что он отправил всю казну в Польшу?

Конрад Буссов. Московская хроника.

См.: Смута в Московском государстве: Россия начала XVII столетия в записках современников / Сост. А.И. Плизгунов, И.А. Тихонюк; Вст. ст. В.И. Буганова; Послел. А.И. Плизгунова. - М.: Современник, 1989.

<Конрад Буссов о голоде в России. С. 265-266>

Эта дороговизна началась в 1601 году и продолжалась до 1604 года, когда кадь ржи стоила 10 или 12 флоринов (а прежде кадь обычно стоила не больше, чем 12 или 15 м. грошей), и голод во всей стране был сильнее, чем даже при осаде Иерусалима, о чем можно прочесть у Иосифа Флавия, когда евреи поедали собак, кошек, крыс и мышей, даже кожу со старых седел и сапог, а также голубиный помет; одна дворянка от великого голода зарубила, сварила, поджарила и съела своего собственного ребенка. Большого ужаса и у Иосифа не найти!

Но, клянусь Богом, истинная правда, что я собственными глазами видел, как люди лежали на улицах и, подобно скоту, пожирали летом траву, а зимой сено. Некоторые были уже мертвы, у них изо рта торчали сено и навоз, а некоторые (прошу прощения) пожирали человеческий кал и сено. Не сосчитать, сколько детей было убито, зарезано, сварено родителями, родителей — детьми, гостей — хозяевами и, наоборот, хозяев — гостями. Человеческое мясо, мелко-мелко нарубленное и запеченное в пирогах, т. е. паштетах, продавалось на рынке за мясо животных и пожиралось, так что путешественник в то время должен был остерегаться того, у кого он останавливался на ночлег.

Когда из-за ужасной дороговизны и голода начались столь страшные, бесчеловечные и в некоторых местностях никогда не слыханные убийства и на всех улицах ежедневно стали находить множество трупов людей, умерших от голода, и об Этом сообщали царю Борису, надумал он эту беду и божью кару отворотить своей казней и приказал у наружной городской стены, которая в окружности составляла четыре немецких мили, с внутренней стороны отгородить четыре больших площади, куда ежедневно рано утром собирались бедняки города Москвы и каждому давали одну деньгу, а их 36 идет на один талер. Такое благодеяние побуждало бедных поселян бросать и покидать дома все

и бежать с женами и детьми в Москву, чтобы тоже получить эти деньги. Бедняков там собралось такое множество, что ежедневно на них тратилось до 500 000 денег (что составляет тринадцать тысяч восемьсот восемьдесят восемь талеров и 32 м. гроша).

Это продолжалось все время, а дороговизна на убыль все не шла. Ежедневно повсюду на улицах по приказу царя подбирали сотни мертвецов и увозили их на таком множестве телег, что смотреть на это (легко поверить) было страшно и жутко. Мертвецов было приказано особо приставленным к этому людям тщательно обмывать, заворачивать в белое полотно, обувать в красные башмаки и отвозить для погребения в «Божий дом» — так называлось место, где хоронят умерших без покаяния.

Из-за такого царского милосердия на пищу бедняков, на одеяние для умерших и на их погребение в течение этой четырехлетней дороговизны из казны ушло неисчислимо много сот тысяч рублей, так что из-за этого казна сильно истощилась. Как легко подсчитать и как мне сообщили это достойные доверия приказные подьячие и торговые люди, в одном только городе Москве во время этой дороговизны умерло от голода более 500 000 человек, которые при жизни получали от его величества пропитание, а после смерти белый саван и красные башмаки, в которых их на его счет хоронили. Так было в одном только этом городе, а какое великое множество народа погибло за это долгое время от голода и чумы во всех концах страны и в других городах, и все они были также похоронены на счет казны.

Ах, сколько сот тысяч их было!

Ах, во сколько сот тысяч они обошлись!

<Конрад Буссов о личности Лжедмитрия С. 315-318>

Так как о Димитрии всегда думали по-разному, часть считала, что он прирожденный русский царевич, большинство же говорило, что он чужеземец, то я потратил много труда, чтобы выяснить подлинную и действительную правду.

1. Господина Басманова, который был преданнейшим слугой Димитрия и отдал за него свою жизнь (о чем уже говорилось выше), я однажды, когда он, будучи очень благосклонным и расположенным ко мне, пригласил меня в гости, всячески, но в большей тайне просил и уговаривал открыть мне доверительно правду о нашем милостивом государе: прирожденный ли он наследник или нет? Тогда он доверительно сказал мне следующее: «Вы, немцы, имеете в нем отца и брата. Он вас любит и возвысил вас более, чем кто-либо из прежних царей, и я знаю, что вы верны ему. Молитесь за него, чтобы Бог его сохранил, я тоже это буду делать вместе с вами. Хотя он и не сын царя Ивана Васильевича, все же теперь он наш государь. Мы его приняли и ему присягнули, и лучшего государя на Руси мы никогда не найдем».

2. Так же доверительно один аптекарь, который в течение 40 лет подряд служил сначала старому тирану, потом его сыну Федору Ивановичу, следом за ним Борису Годунову, а теперь этому Димитрию и ежедневно видел в Кремле и хорошо знал царевича Димитрия в юности, сообщил мне и клятвенно утверждал, что этот Димитрий не истинный, ибо истинный был очень похож на свою мать Марию Федоровну Нагую.

3. Подобные же сообщения я получил от одной дворянки, которая за несколько лет до того была из Лифляндии привезена в плен в Россию, а в 1611 году освобождена и, слава Богу, вернулась к своим. Она была повитухой при матери Димитрия и должна была при рождении и воспитании царского младенца днем и ночью оказывать услуги во дворце.

4. После этого убийства я ехал вместе с одним немецким купцом (по имени Бернд Хопер, родом из города Риги) из Москвы в Углич, и, немного не доезжая Углича, мы встретили одного москвитя, которому было 105 лет и который был в угличском дворце сторожем при молодом Димитрии. Разговорились с ним об убитом Димитрии и после долгой беседы попросили его совершенно доверительно открыть нам, что он думает об убитом государе, сын ли он старого царя или нет, и сказали еще, что мы ни одному человеку не передадим. Он встал, трижды перекрестился на своего Николая и сказал: «Этот убитый государь был отважный герой, он в один год навел страх на всех соседних врагов, и наши москвиты плохо сделали, что его убили, ибо они его приняли, посадили на престол и присягнули ему. Если он и поступал в чем-то против наших нравов и обычаев, то подобало изменить это иными способами. Он был разумным государем, но сыном Грозного он не был, ибо тот действительно убит 17 лет тому назад и давно истлел. Я видел его, лежащего мертвым на месте для игр. Прости, Боже, нашим князьям и боярам, которые погубили Бориса Федоровича Годунова и возвели этого на его место. Теперь они пожрали обоих, а как это для них и для нас всех во всей земле нашей обернется — покажет время».

Многие знатные люди сообщали, что он будто был незаконным сыном покойного короля Польши, Стефана Батория. Полководец под Троице-Сергиевским монастырем Иван-Петр-Павел-Сапега, сидя однажды со своими офицерами за столом, перевозносил храбрость поляков, «что они не ниже, а даже выше римлян», и среди многого другого сказал он также и следующее: «Мы, поляки, три года тому назад посадили на московский трон государя, который должен был называться Димитрием, сыном тирана, несмотря на то что он им не был. Теперь мы второй раз привели сюда государя и завоевали почти половину страны, и он должен и будет называться Димитрием, даже если рус-

ские от этого сойдут с ума: «Нашими силами и нашей вооруженной рукой мы сделаем это». Это я слышал собственными ушами.

К молодому Димитрию в Угличе ни один из знатных князей и бояр не относился хорошо из-за его жестокого нрава, который проявлялся в нем уже с детских лет. А делом простых людей тайное похищение юного государя быть не могло. Московиты, особенно знатные люди, скорее дали бы своим детям умереть какой угодно смертью, чем добровольно отпустили бы их из своей земли в чужие земли, разве только их принудил бы к этому царь. Они считают одну только свою страну христианской, а остальные страны под солнцем считают языческими, где, по их мнению, люди не крещены, Бога не имеют, не умеют как следует ни молиться, ни служить Богу, и поэтому они полагают, что их дети навеки погибнут, если умрут на чужой стороне. Если же они умрут на родной земле, то обязательно попадут на небо.

А ведь если бы московиты не побоялись уйти к чужим народам, они с женами и детьми могли бы в этой продолжительной войне спасти и сохранить свою жизнь и свое имущество, но они этого не сделали, а претерпели все, что им определил их Бог Николай. Следовательно, этот Димитрий был не сыном старого Грозного, а чужеземцем и московиты приняли его лишь по той причине, что они хотели свергнуть Бориса Федоровича (которого иначе из-за его большой осторожности не могли одолеть), ради чего они тысячами отпадали от него и переходили к этому Димитрию, при котором они надеялись улучшить свое положение.

<Конрад Буссов о сомнениях русских относительно царя Лжедмитрия С. 285-287>

За трапезами у него было весело; его музыкантам, вокалистам и инструменталистам приходилось вовсю стараться. Он отменил многие нескладные московитские обычаи и церемонии за столом, также и то, что царь беспрестанно должен был осенять себя крестом и его должны были опрыскивать святой водой и т. д., а это сразу же поразило верных своим обычаям московитов и послужило причиной больших подозрений и сомнений относительно их нового царя. Они повесили головы, словно у них за ушами были вши. Он не отдыхал после обеда, как это делали прежние цари и как это вообще принято у русских, а отправлялся гулять по Кремлю, заходил в казну, в аптеку и к ювелирам, иногда один, а то вдвоем или втроем, или уходил потихоньку из своих покоев, так что его личные слуги часто не знали, где он, и подолгу искали его в Кремле, пока не найдут, чего тоже не бывало с прежними царями. Те из своей московитской важности не могли сами переходить из одного покоя в другой, а множество князей должны были вести их, держать, прямо чуть ли не нести.

<...>

В сентябре 1605 г<ода> он вспомнил о любви, верности и дружбе, которую выказал ему в Польше воевода сандомирский, а также о своем обещании его дочери Марине Юрьевне. Поэтому он послал к сандомирскому воеводе своего думного дьяка Афанасия Ивановича Власьева с большими подарками — золотыми цепями, кольцами, золотом и деньгами более чем на 200 000 гульденов, приказав поднести это своей невесте, поклониться ее отцу и ей и просить ее руки. Ее и сговорил, помолвил и обручил с Димитрием его величество король польский, господин Сигизмунд III и пр., с согласия, ведома и одобрения всех сословий. Русским это совсем не понравилось. Они замечали из многого, что одурачены и постыдно обмануты, и это мнение еще более укрепилось в них из-за того, что си пренебрег дочерьми вельмож своей национальности и женится на иноверке, как они называют другие народы, и даже дошло до того, что они, в конце концов, решили, что он, верно, совсем не русский, а поляк.

<...>

В январе он назначил трех капитанов. Первый — француз, чисто говоривший по-немецки,— был благочестивым и рассудительным человеком, звали его Яков Маржерет, и у него под началом было 100 копейщиков.

<...>

Второго капитана, лифляндца из Курляндии, звали Матвей Кнутсон, ему были вверены 100 алебардников.

<...>

Третий капитан был шотландец, по имени Альберт Вандт-ман, но его обычно звали паном Скотницким, так как он долго жил в Польше. У него также было 100 алебардников...

<...>

Одна половина этой стражи должна была оберегать царя одни сутки, а другая половина — следующие сутки. Это вызвало большое недовольство, особенно среди московских вельмож, говоривших между собою: «Смотрите, наш государь уже теперь показывает этой стражей, что он и сейчас не хочет на нас смотреть, а что еще будет, когда приедет польская панна со столькими поляками, немцами и казаками».

<Конрад Буссов о недовольстве москвичей Мариной Мнишек и ее окружением. С. 291-292>

На восьмой день после этого, в день св. Филиппа и Якова, 1 мая, прибыла царская невеста, Марина Юрьевна. Царь послал ей навстречу всех своих придворных, князей, бояр, немцев, поляков, казаков, татар и стрельцов — около 100 000 человек, великолепно одетых и разукрашенных.

<...>

Впереди шли 300 гайдуков, которых она привела с собой из Польши, со своими дудами и барабанами. За ними следовали в полном вооружении старые польские конники Димитрия, служившие ему раньше в походах, в каждом ряду по 10 человек с барабанами и литаврами, за ними 12 верховых коней, высланных невесте, после них ехала царская невеста, по обеим сторонам кареты ехала конная сотня копейщиков, а 200 немецких алебардников шли пешком рядом с ее каретой.

<...>

Затем следовала прибывшая из Польши конница в полном вооружении с трубами, литаврами и дудами, за ними русская конница со своими набатами больших размеров, чем другие барабаны или литавры, а за ними польские полковые фуры, повозки и весь обоз.

<...>

В тот день многие москвиты были опечалены тем, что у них появилось столько иноземных гостей, дивились закованным в латы конникам и спрашивали живших у них в стране немцев, есть ли в их стране такой обычай приезжать на свадьбу в полном вооружении и в латах. Они начали подозревать в этом опасность, особенно когда увидели, как из польских полковых фур вместе с другими вещами выносят по 5, по 6 и больше ружей.

<Конрад Буссов о заговоре Шуйского С.292-293>

Когда эти горькие жалобы русских дошли до старого Шуйского (того самого, которого Димитрий прошлой осенью за его предательство клал на плаху, чтобы казнить, но на свою собственную погибель помиловал), он созвал тайно к себе на свой двор сотников и пятидесятников города, а также некоторых бояр и купцов и сказал им тут, что они ясно видят, как всей Москве угрожает великая опасность от царя и от иноземцев (уж слишком много впущено их)...

<...>

Теперь-то они, конечно, хорошо понимают, чего следует ожидать и что произойдет, а именно, что все русские должны будут исчезнуть и стать подданными Польши, ибо это не истинный Димитрий, а поляк, а то, что они приняли его в страну царем, произошло потому, что они хотели свергнуть Бориса, чего нельзя было добиться никакой другой хитростью, а они питали надежду, что этот юный герой будет держаться их Бога, их веры и их, самих москвитов. Вышло, однако, все наоборот: иноземцев он жалует больше, чем своих русских, пренебрегает их богами, даже оскверняет их церкви, позволяет нечистым полякам входить в них со своими собаками, и в церковь Николы, и в церковь Пречистой. У священников он отнимает дома и отдает их латышам (они подразумевали под этим немцев, обычно же латышами име-

нуют не немцев); он женится на поганой польке и, конечно, совершит вскоре какое-нибудь злодейство, если русские вовремя не предотвратят этого.

Сказание Авраамия Палицына

<Сказание Авраамия Палицына. О взятии литовского наряда>

Градские же люди совѣтовавше отоити во враги: в Благовѣщенской, да в Косой, да въ Глиняной враг, инѣм же троецким еще бьющемся с литвою за Круглым прудом и за Капустным огородом близ Келарева пруда. И озрѣвшесе и не видѣвше градских людей на горѣ, ни у Пивного двора единого человѣка, и ужасошася, мнѣвше всѣх побитых от литовских людей, но токмо видяще у Святых ворот и на Нижнем монастырѣ перьвых людей вылазных дерущихся с литвою и с казаки.

Градские же люди утаившиися во врагѣх: в Благовѣщенском, и в Косом, и в Глиняном. От них же Иван Ходыревъ да троецкие слуги, Ананья Селевин с немногими людми, всѣдше на кони и устремившесе полем позади туров литовского наряду; и бѣ полчекъ их малъ зѣло, пред полчком же тѣм троецким, глаголют, видѣша з города многие люди воина вооружена, лице же его, яко солнце, конь же под ним, яко молния блистаяся. И в той час въскочивъ с людми троецкими в первые туры, такоже и во вторые, и в третие, и в четвертые, и в пятые, и объявителна видѣша его Божиа посланника и помогающа православному христианству, дондеже и наряд взяша. И тако невидимъ бысть, даровав помощь и одолѣние на враги.

Троецкое же воинство, конные и пѣшие, скрывшеися, вскорѣ изо враговъ вышедше, приступльше к первым туром к литовскому наряду. Литва же и казаки руские побѣгоша к другим туром. Градские же люди, побивающе их лютѣ, такоже из других и ис третьихъ выгнаша; о четвертых же и о пятых турах наряду своего литва и казаки укрѣпишася и бияхуся крѣпко. И ту под Борисом Зубовым убиша коня. Литва же многие люди скочыше хотяху Бориса жива взяти. Троецкой же слуга Ананья Селевин мужествен и с прочими воинскими людми устремишася на литовских людей, и прогнаша их за туры. Вскоре же подоспѣша к ним многие люди, Иван Ходырев и с ним дѣти боярские, и слуги, и все множество народа, и внидоша в четвертые и пятые туры к литовскому наряду. Слуга же Мерькурей Айгустов первѣе всѣх поспѣ к туром. Пушкаръ же литвин уби Меркурья ис пищали. Тому же пушкарю отсѣкоша главу.

<Сказание Авраамия Палицына. О умножении во граде беззакония и неправды>

Опоясующии бо ся мечем на радости часто вхождаху утѣшатися сладкими медаы, от нихже породишася блудныя бѣды. От повседневных же вылазок всѣхъ приходящих по побѣдах и по крови пианством утѣшаху, от того же вся страсти телесныя возрастаху. На трапезѣ же брацкой иноцы и простию воду пиаху и воинствующих чинѣ престати моляху. Но вси о семъ небрежаху. Еще же и се зло приложиша сребролюбственное.

Тогда бо вси всегда питаеми от дому чюдотворца, взимающе бо хлѣбы по числу кождо на себе, овии на седмицу, инии же по вся дни, и отдающе сие на сребро, сами же всегда в трапезе питахуся. Нужда же бѣ тогда иноком в хлѣбне монастырстей строящим, и не можаху успевати на потребу ратным, и не имуще сна ни покоя день и ночь; и всегда от жара пещнаго и от дыму курения очи тѣм истекаху. Также и меливо зѣло нужно бѣяше. Людей убо множество, жернов же мало; не чаяху бо людие на много сидѣнию быти и легцѣ сѣдоша во осаду. И дванадесят гривенѣ от мелива от четверти дааху, и мало вземлющих. В день бо всегда из града исхождаху, в ночь же о стражи градстей трезествоваху. И ихже в плѣне имаху от русских измѣнников и от поселян, также и от христьянских жен и от служних работниц оставшихся и от прочих, тѣ имѣ мелцы бѣяху, но в нуждах осадныхъ и тии помираху вборзѣ.

<Сказание Авраамия Палицына. О мору на люди>

Ноября же от 17 дни явлься морѣ в людех и протяшеся до пришествия Давида Жеребцова. Образ же тоя болѣзни в нужных осадах вѣдом, юже нарекоша врачеве цынга. Тѣсноты бо ради и недостатков сиа случаются, наипаче же от вод скверных, не имущих теплых зелий и корений поядающих ражающийя гной во утробах. И не имущихъ водокъ животных, распухневаху от ногъ даже и до главы, и зубы тѣм исторгахуся, и смрад зловонен изо устну исхождаше, руцѣ же и нозѣ корчахуся, жиламъ сводимым внутрь и внѣюду от язв кипящих. И теплицѣ не имущим в пособѣ симѣ телеса острупляхуся; и желудку необыкшу к нерастворению приятия затворяющуся, и непрестаненѣ понос изнемогшим до конца и не могущим от мѣста на мѣсто преити, ни предвигнутися. И согниваху телеса их от кала измету и проядаше скверна даже до костей, и черви велицы гмизяху. И не бѣ служащих у многих ни жажду утолити, ни алчующих накормити, ни гнойным струпом пластыря приложити, ни превратити на страну, ни червиа отмыти, ни отгнати скоть стужающий, ни вон извести прохладитися, ни подъяти, еже бы мало посидѣти, ни уста пропарити, ни лице, ни руцѣ умыти, ни от очию праха оттерѣти. А иже еще воздвижущей руцѣ и тии уста и очи нечистотою оскверневаху.

Дневник Марины Мнишек

См.: **Дневник Марины Мнишек. Кн. 1.**
<http://www.vostlit.info/Texts/rus6/Mnischek/frametext1.htm>

(Название носит условный характер. Марина Мнишек автором текста не является. Сочинение принадлежит поляку из свиты отца Марины – Юрия Мнишека)

<Дневник Марины Мнишек. О восстании в Москве>

Май

<...>

Дня 22. В палате обедали, там же веселились. Поляки у стола служили — дворяне царицы и чашничие, есть готовили также польские кухмистры. Потом танцевали до утра. 137

Дня 23. Также поляки служили у стола. Был и пан посол, но за другим столом сидел. После обеда паны приближенные танцевали. Царь переоделся в гусарские одежды и танцевал один раз с царицей, другой раз — с паном воеводой. Церемонии такие в танце были: все паны, желавшие служить в танцах при царице, сначала целовали руку царю, потом шли своим порядком, сняв шапки, пан воевода с паном послем располагались в самом конце, тут же перед царем. Когда танцевали одни паны приближенные, они все снимали шапки, кроме посла, который снимал ее, только проходя мимо царя. Когда пан воевода танцевал с дочерью, он вел ее слева. Танцевал царь [55] с паном воеводой, а служили им царица с княжной Коширской. Наливали во множестве всякого питья. “Москвы” в тот день не было, кроме Афанасия и Мосальского. Разошлись с заходом солнца.

<...>

Дня 26, в пятницу. Пришли жолнеры к пану воеводе, заявляя ему, что становится явно небезопасно. Пан воевода сразу доложил царю. Царь на это посмеялся, удивляясь и говоря, что поляки весьма малодушны. Все-таки он сразу приказал Басманову ночью по всем улицам поставить стрелецкую стражу, чтобы стерегли поляков, ибо уже “москва” явно начала бунтовать и явные признаки возмущения нашим давала. ...

<...>

Дня 27. Злосчастный мятеж, для которого изменники уже давно объединились, составляя конфедерации и присягая. Их предводителем в том деле был нынешний царь — Василий Иванович Шуйский, 139 обещавший поделить между ними крепости и государства и назначить их на высокие должности. Эти войска выпустили против той “москвы”, которая могла стать на сторону Дмитрия, вступив в сговор с влиятельнейшими купцами и частью мира. Старшие знали об этом, а другие не ведали. Более всего из Великого Новгорода бояр и служилых людей было к тому готово.

Сперва утром в субботу подавали друг другу на улицах такой сигнал: “В город! В город! Горит город!” — а делалось это для наших, чтобы подумали, что в крепости загорелось. Сразу же окружили все польские квартиры, чтобы находившиеся там не могли дать отпор. [56]

Очень быстро взяли крепость. Потом ударили во все колокола, отовсюду неисчислимая толпа стекалась к крепости. Сперва рассеяли алебардчиков, потом ворвались во дворец. Сам Шуйский с помощниками вошел в первые покои, в которых сперва убили Басманова, обычно спавшего около царя.

В это время царица (она еще была не убрана, и все в свите ее оставались простоволосыми, только что вскочили после сна и едва успели надеть юбки), услышав гвалт в крепости, выбежала, желая узнать, что происходит. Услышав дурные вести, что царя убили, стала она думать, что делать. Сошла она вниз и спряталась в подвале под сводами, но когда ей там не советовали оставаться, снова возвратилась наверх. Когда она поднималась, ее столкнули с лестницы, не зная, кто это, ибо, так думаю, если бы ее узнали, то ей бы не остаться в живых. Однако она добралась до избы и там оставалась среди женщин. Изменники тем временем послали в эти палаты. Был при царице камердинер Ян Осмольский. Он, когда уже ломались в двери, выбежал, нападавал на них всею силою и долго удерживал противников на ступенях, потому что его в узком месте не могли поразить. Только когда уже лишился чувств, его разрубили на куски. Потом пани Старостину Хмелевскую ранили, от этой раны она умерла через несколько дней. Ворвались в избу, где была царица с женщинами. Уже более не убивали женщин, только ударились в разбой, ринувшись в покои, в которых они спали. В это время подросли старшие бояре, разогнали чернь и приставили стражу, чтобы на женщин уже не смели покушаться. Вещи все — и царицы, и женщин спрятали в кладовые за печатями. Царицу со всеми женщинами, остававшимися только в юбках и накидках, проводили в другую комнату, охраняя их, чтобы с ними ничего не случилось.

<...>

Дня 29. Другого царя князя Василия Ивановича Шуйского избрали. На этом избрании было очень мало бояр и народа, без позволения всех избрав, царя сразу представили миру. Он сразу прислал к пану воеводе, чтобы тот ни о чем не тревожился, заверяя его, что все будет хорошо.

Царице давали все необходимое в крепости, но так как готовившихся там блюд она не могла есть, отдали приказ на кухню пана воеводы, чтобы там же готовили еду для нее.

<Дневник Марины Мнишек. О допросе Юрия Мнишека>
Июнь

<...>

Дня 9. Прислали за паном воеводой, чтобы ехал в крепость и только сам-десять предстал перед панам думными. Там устроили обсуждение с долгими жалобами, возражениями и репликами с обеих сторон. Всю вину за смуту, происшедшие убийства, кровопролитие они возлагали на пана воеводу, будто бы все это произошло из-за того, что он привел в Москву Дмитрия (которого они называли изменником). А пан воевода объяснял и доказывал свою невиновность. Припомнили и то, “что тебя, пан воевода, Бог чудесно спас (за то его благодари), ибо с тобою то же должно было случиться, что с Расстригою 148 случилось”.

После долгих споров думные бояре допытывались у пана воеводы: 149 “Каким образом тот человек в Польше объявился?” На что его милость пан воевода панам думным отвечал, что “того человека он не знал и не ведал о нем. С trefunku [т. е. Treffpunkt — сборный пункт (нем.)] случайно ехал князь Вишневецкий, зять мой, с Дмитрием через Самбор к королю его милости, с которым и заехал ко мне. Я, имея дело к королю его милости, поехал также вместе с ними и имел в то время при себе своего слугу, который до перемирия был взят в плен и несколько лет находился в заточении в Москве. Слуга знал его хорошо малым ребенком и признал его за настоящего сына умершего Ивана, великого князя московского, что еще более укрепило веру во всех людях. И некий Петровский, 150 который служил в Угличе, а потом пану канцлеру литовскому, и который также знал его хорошо, тоже признал его перед королем его милостью по верным знакам на его теле, о которых ведал и которые увидев — сразу нам поклялся, что это истинный наследник московский”.

“Почему его пан воевода к себе принял?”

Пан воевода: “Свидетельства, которые не только он, но и тот Петровский, и „москва“, стекавшаяся к нему даже в Краков, давали о нем, не только мне самому, но и королю его милости и всем панам сенаторам казались правдоподобными. Из-за чего легко было всему поверить, так как это единодушно показывали и свои, и чужие”.

“Почему король его милость дал деньги?”

Пан воевода: “В виде милостыни, будучи христианским государем дал ему через меня из тех денег, которые я должен был отдать королю его милости, несколько тысяч злотых. Также и другие из панов давали ему, и на те деньги он был снаряжен”.

“Почему же его пан воевода сопровождал?”

Пан воевода: “Так как никто еще не нашелся, кто бы мог его осудить или что худое о нем поведать, король его милость, надеясь на перемирие, которое было с Борисом заключено, позволил ему добиваться справедливости — как тот считал бы наилучшим образом, не затрудняя Речь Посполитую. И с этим он уехал от короля его милости

вместе со мною и пустился в дорогу с таким замыслом. Таким образом, если бы кто-нибудь из вас, панов московских, в то время, как он, воевода, был с ним на границе, дал знать, что он не является дедичем и истинным сыном умершего Ивана, князя великого московского, отказался бы он, воевода, от [64] дальнейших дел и возвратился бы от границы назад. Но вместо того, чтобы воспрепятствовать мне в этом начинании, тогда ежедневно все более к нему прибывало людей, народу вашего. И давали ему присягу в знак верноподданничества, и так более убеждали в том польский народ, что он был настоящим наследником вашим. Крепости ему добровольно сдавались, а именно Моравск, Чернигов, Путивль, еще на границе государства короля его милости выходили с хлебом и солью, поступая к нему в подданство, и принимали с благодарностью как государя. Из-за этого и сам он, воевода, еще больше верил — так много ему крепостей покорилося, хотя он даже сабли не вынимал”.

“С какой целью пан воевода посылал за казаками донскими и запорожскими?”

Пан воевода: “Не я посылал, но сам покойный, они сразу, получив его послание, охотно приехали”.

“Почему же пан воевода не интересовался письмами, которые принесли от сенаторов московских под Новгородок?”

Пан воевода: “Интересовался и отписал на них, чтобы те, кого прислали, пригляделись хорошо, и потом я узнавал, действительно ли он настоящий царевич”. “Почему же кровь проливал?”

“Не сражался я в битве, встал в отдельном месте, но когда войско туда подступило, и мы должны были защищаться. Однако после той битвы, когда я увидел, что война затягивается, отъехал от него в Польшу, и из польского войска мало кто с ним остался. Он уже имел свое московское большое войско, донское и запорожское, на которое надеялся, хотя и не стоит с таким небольшим числом людей подниматься на войну. Я не посмел бы идти с ним, однако сделал это, так как он уверял меня, что ему сразу крепости должны сдаться и немало готового войска ожидает его. Что все в соответствии со словами его произошло. Из-за этого я и находился при нем, желая сохраниться народу вашему. А после отъезда, когда я оставил его с тем войском, в скором времени вы единодушно его все как государя приняли. Вам было виднее, вам, которые его хорошо знали, настоящий ли он ваш дедич, нежели нам, более далеким от него, которые лишь сочувствовали ему”. “Почему же верил, что он настоящий?”

Пан воевода: “Так как вы его приняли за государя своего, и, присягнув ему, поступили в его подданство, в Москву, столичный город, препроводили и короновали, а потом позволили ему выслать послов своих к королю его милости и ко мне, а именно Афанасия, великого посла. А этот для того к королю его милости приехал, чтобы благода-

рить его от имени Дмитрия, прежде всего, за всяческую честь, которую оказывал ему король в государствах своих, при этом прося короля его милость, чтобы ему позволил породниться с народом польским, в знак того, что он желает вечного мира с Польской короной. Был также и Иван Безобразов, который таким же образом приезжал с благодарностью от вас самих за всяческую помощь, которую получил Дмитрий в государствах его королевской милости. А когда я упомянул Афанасию, что желал бы получить разрешение панов сенаторов московских относительно кондиций, на которых я условился с покойным и по каким бы мог [65] дать дочь свою в супруги покойному, сказал мне на это Афанасий, что „у нас государь делает, что хочет, не советуясь с панами думными, не так, как тут у вас в Польше“. Когда бы я имел в чем какое предостережение от вас, никогда бы о том не помышлял, чтобы отдать покойному дочь свою или сюда приехать, когда уже и время прошло, которое назначил для отдачи дочери своей в супруги покойному”.

“Почему же грамот от нас не ждал?”

Пан воевода: “Был ко мне посланец тот, у которого под Львовом вещи сгорели, о чем знает и Афанасий. Было много и других посланцев, народа вашего московского, людей знатных, также и с Афанасием были, которые неустанно на отъезде настаивали. И, наконец, когда я дома остался, а Афанасий вперед поехал из Кракова к границе, а потом возвратился в Самбор, не желая уезжать без меня и дочери, и в то время я часто спрашивал Афанасия и других посланцев, согласятся ли на это родство паны думные. Он тогда говорил, что все соединились в одном желании и просят о том Господа Бога, чтобы уже в вечном мире после того, как породнятся, с Польшей и королем его милостью жить и постоянно помогать друг другу против любого противника святого Креста, когда бы в этом была необходимость. Из этих заверений мы узнали мнение вашего народа о покойном: каждый считал его настоящим, а другого о нем никто не знал, не слышал. И вы о нем все сомнения устранили, утверждая тем самым, что вы его приняли за своего государя. Вы теперь лишь настаиваете на том, что это был обман, но лучше было бы поберечься ранее и не принимать его за государя. Также вы могли и за границу лучше моего его выдворить, заявив, что он не ваш настоящий государь. Тогда бы и я сразу возвратился”.

“Зачем же пан с жолнерами приехал?”

Пан воевода: “О войне или о какой измене я не помышлял, ибо и дочери бы своей с собой не привозил и не дал бы ее в супруги покойному, если бы для этого с ними приехал. А такой есть в Польше обычай, чему Афанасий и другие, кто с ним был, свидетели. Поэтому не для войны, но для оказания почести великому монарху тех людей с собою взял, которых, однако, было не более ста, и также несколько десятков верховых и пехоты”.

“Почему же здесь хотел веру латинскую ввести?”

Пан воевода: “Об этом не помышлял, но также за тем следил, чтобы дочь моя для спасения души от веры своей не отступала. Поэтому хотел бы, чтобы она в назначенных ей владениях капланов в костелах своих имела, по примеру многих других. Однако те капланы, которые со мною и с другими особами приехали, должны были возвратиться назад в Польшу”.

“По какой же причине хотел унии?”

Пан воевода: “Так покойному нравилось самому, без моих уговоров. К тому же он униатскую церковь видел в Польше и на Руси, существовавшую без всякого ущерба для благочестия. И учредить ее покойный у себя желал, чтобы здешнее государство с государствами христианскими такую общность имело, какая может быть без нарушения порядка греческой веры и, напротив, на великую [66] радость христианству. Чего, однако, без вас, бояр своих думных, сделать он не мог, а также (как видно) начинать не хотел”.

***Расспросные речи о действиях А.Ю. Лисовского
1615 г. после сентября 8. – Расспросные речи в Разрядном приказе сына боярского из Белева В. Н. Лодыженского о его пребывании в плену у А. Лисовского.***

На Москве

/л. 9/ А литовской полоненик белевец Василей Лодыженской в роспросе сказал. Был он, Василей, в Белеве с воеводами со князем Михаилом Долгоруким да с Петром Буноковым и августа в 31 день в четверг прибежал в Белев из Болхова болховитин сын боярской, а имени его не помнит, а сказал, что Лисовской пришел к Болхову того ж дни в четверг, августа в 31 день, и к Болхову, де, приступал трожды. И князь Михаило и Петр послали из Белева в подъезд по Болховской дороге к Борисовской засеке его, Василья Лодыженского, да Ивана Юшкова да Степана Стрешнева да казака. И они ездили по Болховской дороге до речки до Руки от Белева верст с 8 и увидели по деревням огни, и, приехав, сказали князю Михаилу и Петру что по речку по Руку литовских людей нет. Да в те ж поры увидели из Белева по деревням огни ж под засекою ж.

И князь Михаило Долгорукой и Петр почали говорить, что Белев покинуть, сидеть, де, не с кем. */л. 14/* И он, Василей Лодыженской, почал князю Михаилу говорить, чтоб в Белев[е]* сидеть, а Лисовской, только б шол украдом, и он бы не жог, ясы не подавал. Да и стрельцы белевские били челом князю Михаилу и Петру и говорили, чтоб сидеть. И князь Михаило и Петр, приехав на ка[ра]*ул к воротам спросили, хто на карауле, И стрельцы сказали, что они стоят на карауле. И князь Михаило и Петр велели выпускать жон своих за город, и говори-

ли, то, деи, на наших головах, и, собрався князь Михаило и Петр з женами своими, пошли из города вон в полночь через Оку на сю сторону. И на них смотря в Белеве всякие люди замешались **[111]** и пошли из города вон, а в городе оставались немногие люди для животов. Да и разсветало, а литовские люди к Белеву не бывали. А в Семень день часу в третьем дни пришел к Белеву Лисовской, и /л. 15/ литовские люди, он, Василей, был до их приходу в городе, а как литовские люди появились, и он, Василей, из Белева побежал, и его, угонив, литовские люди взяли.

А князь Михаило и Петр по приход литовских людей ездили по берегу по Оке по сей стороне. И привели его, Василья, к Лисовскому, и Лисовский говорил ему, дадут ле, за нево, за Василья, брата его, Лисовского. И он, Василей, говорил, что он человек сельской, а того не ведает, велит ли государь за него дать брата его или нет. И Лисовской говорил, чтоб он дал за себя, что у нево есть, а он его убить не велит. И он, Василей, дал Лисовскому чемодан с платьем, шубу кунью под сукном да два ожерелья женских, жемчужных да шапку женскую низану. И Лисовский хотел его отпустить, и /л. 13/ загогши Белев, Лисовский пошел к Лихвину. А пришед под Лихвин стал полки на пощади, и з города стреляли по нем ис пушечки, и Лисовский послал пеших людей, а велел посад жечь, а к Лихвину приступом людей не посылал, а острог большой был не осажен, и литовские люди острог выжгли ж. И был он, Василей, у Лисовского 4 дни, а про Белев Лисовской говорил, что было ему к Белеву не приступать, и тому Лисовской смеетца, что воеводы города мечют.

А как пришел Лисовской под Перемышль, и стал в гумнех, чая, что в городе сидят, и розсмотрели, что город покинут, и они повезлись в город. /л. 12/ Да литовские ж люди сыскали в лесу перемышлского наряду 6 пицалей и ядра и зелья бочку.

Да при нем же, при Василье привели к Лисовскому в Перемышль мещан Алистарха Яковлева да Меньшого Стрешнева, а взяли, де, их в подъезде, да Романа Шушерина, а взяли ево на лесу. /л. 10/ И Лисовской, поймав у них грамоты о **[112]** окупы и об омене, и с теми грамотами отпустил в Колугу его, Василья.

Да при нем же, при Василье, привели к Лисовскому казков трех человек, а взяли их в Мошковичех в загоне, ехали от Лихвина в Колугу. И как тех казаков привели, и Лисовской почал им говорил, то, де, было им, казаком, быть у нево, у Лисовского, и казаки, де, назвали Лисовского батьком, и говорили, смутили, де, нас, посулили по 10 рублев, и мы, де, за тем измешкали, а будем, де, все у тебя. И Лисовской, де, велел добыть вина, и почал их потчивать.

А как он был у Лисовского, и Лисовской спрашивал, его Василья, про дорогу к Смоленску на Вязьму да на Бахматово через Мещок. Да он же спрашивал про послов про литовских, бывали ль на

рубеж, и про московских послов, от государя отпущены ль, и он, Василий, сказал, что не ведает и дорог не знает.

/л. 11/ А чаёт того, что итти Лисовскому к Смоленску. А сколько его в Перемышле стоянья будет, того не ведомо. А хвалитца Лисовской, что ему зимовать в государеве земле, и будут, де, ко мне прибыльные люди.

А про Пожарсково, деи, Лисовской говорил, что князь Дмитрий, деи, с теми людьми не ход [!], которых он видел, а людей деи, у Пожарскова перед ево людьми втрое, только, де худы люди, а Пожарской, де, отимаетца у него таборами.

А людей с Лисовским всяких с 3000 людей, а раненых, и больных, и лошадей раненых у Лисовского много, и лошади все** и голод был до Перемышля велик[ои]*, а как пришел в Перемышль, и у него стало всего много.

Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 13. Приказной стол. Стб. 2. Лл. 9-75.